

АДОНИН Сергей Александрович
научный сотрудник,
Институт неорганической химии
им. А.В. Николаева СО РАН,
кандидат химических наук
✉ adonin@niic.nsc.ru

РОССИЙСКИЕ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ: «СПАСТИ РЯДОВОГО РАЙАНА» или COUP DE GRACE?

Эссе по мотивам Круглого стола

«Новая культура научных публикаций:

результаты НИР в XXI веке», проходившего в рамках
Moscow Science Week (8–12 сентября 2014)

НЕБОЛЬШОЕ ОКОЛОФИЛОСОФСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Научные публикации в современном мире играют двоякую роль.

С одной стороны, они представляют собой некую единицу или, выражаясь языком IT, «пакет данных» научной информации, которой ее автор и создатель намерен поделиться с окружающим миром. Исторически эта функция – обмен новыми знаниями и идеями, *knowledge transfer* – является основополагающей с момента появления первых научных журналов в XVII в. Развитие технологий распространения данных (от печатного дела до интернета) не влияет на эту фундаментальную задачу – скорее, можно утверждать обратное: все более быстрые темпы развития науки и технологий предопределяют

необходимость все более быстрого поиска нужной информации в глобальном массиве накопленных знаний, объем которого, по мнению ряда исследователей, растет экспоненциально. Так возникают новые требования и запросы к развитию информационных технологий, порождая тем самым своего рода рекурсию.

С другой стороны, публикации сегодня напрямую связаны с критериями оценки эффективности научно-исследовательской деятельности. Вторая половина XX в. ознаменовалась зарождением новой дисциплины – наукометрии, призванной «измерить развитие науки», то есть найти количественные показатели, с помощью которых можно оценивать относительную успешность того или иного «участника игры», будь то отдельный исследователь, лаборатория, институт и даже целая стра-

на. По всей видимости, ее появление связано именно с бурным ростом числа как «игроков», так и публикаций, и помимо чисто фундаментального интереса и драйверов – от желания изучить наблюдаемые процессы и сформулировать некие тренды до извечного и естественного стремления человека к доминированию и выстраиванию системы рангов – практически сразу данная область нашла и практическое применение. Действительно, при наличии ограниченных ресурсов, выделяемых на развитие науки, и быстром увеличении числа претендентов на них потребность в критериях распределения возникает сама собой. Так в процесс публикационной активности включается новый актор – «владелец ресурсов» в широком смысле.

В России таким актором в первую очередь является государство во всем многообразии его институтов – от разнообразных фондов, выделяющих средства на проведение исследований (РНФ, РФФИ, РГНФ и т.д.), до профильных министерств и агентств (Минобрнауки, ФАНО). При решении вопроса о том, кому и в каком объеме выделить те или иные ресурсы (в первую очередь деньги) либо, наоборот, кого лишить их, эти структуры все чаще оперируют наукометрическими данными: число публикаций и патентов, импакт-факторы журналов и так далее. Кроме того, существует и иной аспект вовлеченности государства в вопросы публикационной активности, а именно аттестация научных кадров. В России требования, предъявляемые к кандидатам и докторам наук, определяются Министерством образования и науки, и определенную роль играет существование списка изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты для получения искомой научной степени (в просторечии «список ВАК»).

Сам по себе принцип использования наукометрических данных при распределении ресурсов имеет массу как сторонников, так и противников, и споры на данную тему не прекращаются. Автор принадлежит в большей степени к первому лагерю, полагая, что при всех известных недостатках, к которым апеллируют в дискуссиях, в российских реалиях наукометрия позволяет получить гораздо более объективную картину, чем «экспертная оценка», по меньшей мере в естественных науках, что связано с кризисом самого института научной экспертизы в России. Так или иначе, необходимо признать: «правила игры» установлены, и участники должны им следовать. Однако, как и в любой игре, здесь находится масса желающих «обмануть систему» (и это вовсе не уникальное российское явление). Спрос порождает предложение: на рынке появляются крайне

низкопробные научные журналы, тем не менее входящие в различные системы цитирования. Разрабатываются различные приемы и уловки, направленные на «накрутку» числа цитирования, индекса Хирша и прочих показателей. Одни и те же статьи без изменений кочуют из журнала в журнал, лишь иногда меняя автора. Так «вторая», гораздо более новая функция научных публикаций вступает в серьезный конфликт с первой, исконной и основной, временем нанося ей заметный ущерб.

Как уже отмечалось выше, данная проблема носит глобальный характер, затрагивая не только нашу страну. Однако она проходит красной нитью через весь комплекс «публикационных проблем», с которыми сталкивается отечественное научное сообщество и которые обсуждались на круглом столе, одним из модераторов которого был автор. Рассмотрим их – по меньшей мере, вызвавшие наиболее ожесточенные дискуссии, более подробно.

РОССИЙСКИЕ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ: «СПАСТИ РЯДОВОГО РАЙАНА» ИЛИ COUP DE GRACE?

Одна из линий водораздела – вопрос о российских журналах, о их месте в мировой системе научной периодики и о том, следует ли их каким-либо образом поддерживать (если да, то как).

Позиции сторон в тезисном виде:

Лагерь 1: Российские журналы – национальное достояние нашей страны. Они хранят российские традиции – как научные, так и издательского дела. Тематика многих из них уникальна, отсюда следуют уникальность и востребованность контента. Кроме того, целый ряд изданий пользуется авторитетом не только в России, но и за рубежом. Само по себе существование национальных научных изданий повышает статус страны на мировой арене. Особую актуальность вопрос имеет сейчас, в условиях санкций против России, когда есть опасность, что российские статьи не будут принимать в зарубежные журналы.

Лагерь 2. Российские журналы в массе своей оказались неспособны выдержать конкуренцию с международными научными изданиями ни по качеству контента, ни по уровню редакционно-издательской работы. Уникальных изданий нет или крайне мало, авторитет даже лучших российских журналов низок, а востребованность стремится к нулю, поэтому трудно говорить о том, что они благотворно влияют на престиж страны. Санкции против России никоим образом не скажутся на публикационной активности российских авторов или скажутся незначительно.

Корни проблемы следует искать в традициях и моделях управления российскими научными журналами в целом

Итог: Консенсус по данному вопросу найден не был.

Комментарии модератора

Из общих соображений можно было бы предположить, что первый лагерь должен был быть представлен преимущественно представителями гуманитарных наук, а второй – естественных и технических. К удивлению модераторов, это оказалось не совсем так: позиции «спасения отечественных журналов» отстаивали в том числе и химики, и «технари».

Позиции лагеря 2 («научные интернационалисты») были представлены более сильно, что привело к «сваливанию дискуссии в плоский штопор»: под конец «лагерь 1», не имея возможности выдвинуть рациональные контраргументы, все чаще апеллировал к чистой политике.

Мнение автора

В позиции «научно-публикационных националистов» есть определенная доля истины, но очень небольшая. Действительно, существует небольшой круг изданий, выходящих в нашей стране и обладающих очень высокой значимостью в соответствующей области. В основном это журналы социально-гуманитарного профиля, специализирующиеся на России – истории, литературе, филологии и лингвистике. Специалистов в этих областях относительно мало – соответственно, в абсолютных значениях востребованность таких изданий невелика. В этих случаях дополнительная поддержка, в том числе со стороны государства, представляется оправданной. Увы, в остальных случаях автор не может согласиться с идеей «спасения отечественной научной периодики любой ценой».

Российские журналы занимают крайне скромную нишу в глобальном публикационном пространстве. Даже простое сравнение импакт-факторов изданий (скажем, за 2013 год), посвященных одной и той же области, иллюстрирует это очень доходчиво: например, в то время как для «Журнала органической химии» эта величина составляет 0,675, то для Journal of Organic Chemistry (American Chemical Society) – 4,638, для European Journal of Organic Chemistry – 3,154. Чем это можно объяснить?

Если не рассматривать клинически-иррациональные мысли вроде теории мирового заговора против России, вариантов остается не так много. Одна из, на первый взгляд, разумных идей состоит в том, что к моменту падения «железного занавеса» и открытия советских журналов, ставших затем российскими, миру все публикационные ниши были уже поделены между крупными игроками. Однако это не объясняет тот факт, что за последние годы на рынке появился целый ряд научных изданий, быстро достигших высоких показателей.

По тем же причинам вряд ли стоит искать причины в «кризисе жанра» национальных научных изданий как таковых. С одной стороны, это правда – за последние 20 лет множество журналов с солидной репутацией и часто вековой историей, но при этом в большей степени ориентированных на отдельно взятую страну или регион и не успевших вовремя позиционировать себя как международные, очень существенно сдало позиции в мировых рейтингах (например, старейший в мире журнал по неорганической химии – немецкий Zeitschrift für anorganische und allgemeine Chemie – имеет IF 1,251, проигрывая лидерам в отрасли в 3-4 раза). Однако есть целый ряд контрпримеров, которые могут опровергнуть эту идею, – например, Israel Journal of Chemistry имеет IF выше 2,5, что не может быть объяснено лишь исключительным уровнем поддержки со стороны израильского научного сообщества, хотя она и имеет место.

По всей видимости – и это очевидно, пожалуй, любому исследователю, имевшему возможность лично, на своем опыте сравнить процедуру публикации в ведущих отечественных и международных изданиях – корни проблемы следует искать в традициях и моделях управления российскими научными журналами в целом, причем не ограничиваясь рассмотрением только лишь работы редакций. Какие «болевые точки» являются наиболее очевидными с позиции клиента, то есть автора и читателя?

Процедура рецензирования. Международным стандартом является использование так называемого peer review, то есть анонимного рецензирования, когда представленная статья передается стороннему специалисту (специалистам) в предметной области на усмотрение редактора. На основании заключений рецензента принимается решение о том, должен ли данный материал быть принят к публикации и какие изменения следует внести.

К сожалению, применение этого подхода в российских научных изданиях ограничено.

В некоторых из них peer review отсутствует даже «на бумаге» – вместо этого автор статьи должен при отправке документов приложить рецензию (разумеется, неанонимную) от кого-либо из специалистов в данной области, имеющего определенную ученую степень. В тех же случаях, когда peer review все же используется, выбор рецензентов во всех известных автору случаях ограничивается отечественными специалистами (отчасти это связано с проблемой публикаций на русском языке вообще, которая будет рассмотрена ниже). Это создает две существенные угрозы. Во-первых, российское профессиональное сообщество – лишь малая часть международного, и специалиста, способного оценить уровень представленной работы, в России может попросту не оказаться, в результате чего статья будет либо необоснованно принята, либо, наоборот, отвергнута. Во-вторых – и это гораздо более важно – такая ситуация резко увеличивает риск «взаимовыручки», когда рецензенты принимают «дружественные статьи» фактически без экспертизы (мотивы могут быть разные – от личных связей и предпочтений до банальной коррупции). В общем, результатом становится своего рода «противоестественный отбор»: российские журналы превращаются в «научные свалки» низкокачественных статей. Это отталкивает от них успешных российских исследователей, предпочитающих публиковать значимые результаты в уважаемых международных изданиях, что плачевно сказывается на наукометрических показателях (цитируемость) – возникает ситуация положительной обратной связи, приводящая к полной деградации журнала.

Отсталость и бюрократизированность процесса отправки статьи. Нормой в международных изданиях является отправка статьи (submission) полностью в электронном виде. Как правило, для этих целей используется специальный веб-интерфейс, посредством которого, кроме того, происходит и заключение различных соглашений об авторских правах (по сути, используется простейший вариант «электронной подписи»). Российские журналы, как правило, требуют отправки не только распечатанной в нескольких экземплярах статьи, но и целого ряда сопроводительных бумаг, которые следует подписать не только автору, но и различным администраторам (ученому секретарю, заведующему лабораторией и т.д.). Только лишь их объем может достигать 30–35 страниц. Это не может не вызывать раздражение автора, вынужденного оформлять никому не нужные документы.

Отсутствие электронной версии либо ее несовершенство. Это кажется невероятным

анахронизмом, но масса российских научных изданий попросту не имеет полнотекстовой электронной версии. В некоторых случаях ее наличие сводится к нулю из-за сложности доступа (например, по платной подписке в издательстве, работающем лишь с 3–4 журналами, – скорее всего, такая подписка не будет оформлена). Очень часто в веб-версии присутствует лишь малая часть архива выпусков, а более старые не оцифрованы. Сюда же следует отнести и целый пласт чисто технических проблем – сайты многих журналов написаны крайне некачественно, что сильно затрудняет работу с ними.

Скорость публикации. Иными словами, период времени от отправки статьи до ее публикации (если она была принята). Можно утверждать, что в России существует две крайности:

А) Статья публикуется очень быстро. Как правило, это наблюдается в случае изданий, специально ориентированных на «публикации аспирантов». Рецензирование в таких изданиях фактически отсутствует либо проводится на низком профессиональном уровне. Репутация этих изданий в научном сообществе стремится к нулю.

Б) Статья публикуется гораздо медленнее, чем за рубежом (в среднем в 1,2–2 раза). По иронии судьбы, к этой группе относятся наиболее авторитетные журналы, в том числе по естественным наукам.

Форма и скорость коммуникации с автором. Многие журналы до сих пор отправляют рецензии в распечатанном виде по почте, не пользуясь возможностями интернет. Это замедляет и усложняет и без того небыстрый процесс публикации.

Нельзя утверждать, что какая-либо из этих проблем (кроме, пожалуй, первой) играет ключевую роль. Однако каждая из них усиливает значение остальных, порождая кумулятивный эффект.

По мнению автора, никакие «административно-командные меры» поддержки российских изданий не улучшат текущее положение дел в том случае, если они не будут создавать условия для глубоких изменений в системе управления. Совершенно точно не принесут пользы финансовые вливания, о которых упоминали некоторые участники, – в текущих условиях эти средства будут потрачены впустую.

Напротив, разумной видится иная стратегия: выработка научным сообществом единых стандартов для тех журналов, публикации в которых учитываются при принятии отчетов по проектам с государственным финансиро-

ванием. Разумеется, такие стандарты должны учитывать специфику отдельных областей науки – одни и те же правила игры не могут быть применены, например, для молекулярной биологии и пушкиноведения. Но четкие критерии качества, в особенности учитывающие текущие «болезни» российской научной периодики, совершенно необходимы. В этой ситуации издания, не способные к приведению своей деятельности к современным требованиям, естественным образом уйдут с рынка, не выдержав возникающей конкуренции.

СПИСОК ВАК: КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

Существование списка ВАК – как в принципе, так и в его нынешнем виде. Насколько оно оправданно, что следует изменить и почему?

Позиции сторон в тезисном виде

Преобладающим было мнение, что современный вид «списка ВАК» неудовлетворителен, поскольку очень многие издания, входящие в него, крайне низкого уровня (см. выше). Далее мнения разделились: часть участников придерживается позиции его сохранения, часть – его ликвидации. Высказывалось и «третье мнение», достаточно оригинальное, – радикальное изменение процедуры присуждения ученой степени с «защитой по совокупности публикаций», как это практиковалось ранее.

Итог: По общему мнению, список подлжет радикальной «чистке». Возможный механизм – работа экспертной комиссии. Консенсус по поводу необходимости самого существования списка найден не был.

Мнение автора

Данный вопрос тесно связан с рассматривавшейся на круглом столе проблемой плагиата диссертаций, о которой подробно рассказали один из «отцов-основателей» проекта «Диссернет», – д.ф.-м.н., профессор А.А. Ростовцев и сопредседатель Совета Общества научных работников д.ф.-м.н. А.К. Цатурян. Неоригинальный текст работы почти всегда сопровождается массовыми «некорректными заимствованиями» в сопутствующих статьях, которые публикуются в журналах, в которых процесс рецензирования практически отсутствует.

Для естественных и технических наук позиция автора прямо следует из вышенаписанного в отношении российских журналов вообще. По опыту личных наблюдений, качество диссертации сильно связано с уровнем публикаций, и можно выделить три категории работ, в зави-

симости от того, где опубликовано большинство статей по теме работы:

Зарубежные журналы таких издательских групп, как Elsevier, Wiley и т.д.,

Отечественные журналы, имеющие IF и индексируемые Web of Science и/или Scopus (например, издательства МАИК),

Журналы типа «Вестник Нского университета», не имеющие IF.

Как правило, качество работ группы 2 ниже, чем группы 1, а группы 3 – значительно, катастрофически ниже, чем группы 1. Закономерный вопрос: в чем смысл существования журналов группы 3 вообще, если оно приводит к обесцениванию ученых степеней?

В целом, как уже указано выше, автору представляется совершенно необходимой разработка единых стандартов для научных журналов, статьи в которых используются не только в рамках отчетов по различным грантам и иным проектам, но и при защите диссертаций. Уведомительный порядок вхождения в подобные перечни совершенно недопустим. Недавние сообщения о готовящемся в Минобрнауки кардинальном пересмотре «списка ВАК» – безусловно, позитивные новости, вызывающие у автора полное одобрение, однако нельзя ограничиваться лишь вопросами присуждения ученых степеней.

ЯЗЫК РОССИЙСКОЙ НАУКИ: ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ VS МЕЖДУНАРОДНЫЙ

Вопрос, тесно связанный с вопросами существования российских журналов вообще: «на каком языке нужно писать статьи?»

Позиции сторон в тезисном виде

Лагерь 1: Необходимо публиковать статьи на русском языке. Это – сохранение российских научных традиций. Переходя на английский либо иной язык, мы рискуем утратить «российскую научную идентичность». Международный язык – дело конъюнктуры: сегодня это английский, завтра это будет китайский – значит ли это, что нам будет необходимо разучивать иероглифы?

Лагерь 2: Наука не имеет границ. Законы физики, химии, биологии одинаковы на всем земном шаре. Описывая результаты своей работы на русском языке, мы закрываем к ним доступ мирового сообщества, исключая себя из него. Это ведет к вырождению отечественной науки, превращению ее в «болото».

Итог: К концу дискуссии большинство участников согласилось с тем, что позиция лагеря 1 более справедлива для гуманитарных наук, позиция их оппонентов – для естественных и технических наук.

Мнение автора

Можно в целом согласиться с мнением «лагеря 1» в отношении социальных и гуманитарных наук. Помимо этого, совершенно очевидно, что русский язык должен и будет использоваться в публикациях с ограниченным доступом, имеющих отношение к государственной тайне («закрытые тематики»), то есть в тех материалах, которые не предназначены для международного научного сообщества в принципе. Однако сами по себе способы распространения таких материалов не являются типичными для исследователей и слабо соотносятся с научными журналами в общепринятом смысле.

Высказанные опасения, что массовое использование английского языка (на данный момент, безусловно, признанного средства межнационального общения, особенно в исследовательской среде) может нанести ущерб некоей реальной или гипотетической «национальной научной идентичности», не подтверждаются зарубежным опытом. Во всем мире – по меньшей мере, в наиболее развитой его части – владение английским языком является нормой для научного сотрудника уже на начальном этапе карьеры, и подавляющее большинство статей пишется именно на нем. Так обстоит дело не только в странах ЕС, но и в азиатских государствах, играющих все большую роль в развитии науки и высоких технологий (Япония, Республика Корея, КНР), и никаких признаков того, что это причиняет вред развитию научных компьютерных технологий этих стран, нет. Наоборот, повышение уровня требований к компетенциям сотрудника усиливает конкуренцию, что благотворно сказывается на развитии научных кадров – и здесь нельзя не отметить, что именно эта проблема стоит в России как нигде остро. Имея некоторый опыт работы с «подрастающим поколением» – студентами, начинающими свою научную карьеру, автор выработал твердое убеждение: никакое «снижение планки» знаний и навыков не является оправданным. Профессиональная деградация в чем-то сродни инфекции и может поражать целые коллективы, и, позволяя сегодня своему ученику писать тезисы доклада не на английском, пусть и плохом, а на русском, руководитель имеет все шансы столкнуться с тем, что завтра его подопечный не сможет их написать и по-русски.

Нельзя забывать и о том, что подавляющее, абсолютное большинство современных научных материалов (по меньшей мере в физике, химии, биологии) публикуется на английском. Как очень метко подметил М.С. Гельфанд (профессор, член Общественного совета при Минобрнауки и один из спикеров круглого

стола), катастрофа в российской науке наступит не тогда, когда некому будет писать статьи в Nature или Science, а когда станет некому их читать – а именно к этому и можно прийти, последовательно элиминируя английский язык из употребления в отечественной научной среде.

Увы, приходится признать: российские ученые на сегодняшний день не являются «создателями трендов» практически ни в одной области. Максимум, чего нам удастся добиться, – достаточно высокая репутация и узнаваемость, но и это, к сожалению, встречается сравнительно редко и весьма «фрагментарно» (заметим, что это касается не только науки, но и промышленности – отдельные очень успешные отечественные предприятия не дают сами по себе мирового лидерства). Из этого следует один вывод: потери, которые может понести мировая наука в условиях, когда результаты российских работ будут «выключены» из международного информационного пространства, несопоставимы с гипотетическим колоссальным уроном нашему научному сообществу от снижения и без того скромных показателей на мировой арене. Огромное количество по-настоящему передовых проектов сегодня уже не выполняется в рамках одной страны; нормой становятся коллаборации, в которых участвуют представители нескольких государств, и чем более амбициозны задачи и чем больших инфраструктурных вложений требует их выполнение, тем чаще мы можем видеть в публикациях не одну-две, а пять, десять и даже больше аффилиаций. И наши шансы на участие в таких масштабных кампаниях тем меньше, чем меньше о нас будут знать, в первую очередь по нашим статьям. Будучи отсеченной от передовых интернациональных проектов, российская наука не только теряет возможности обрести лидерство и «трендмейкерство» в критически важных фундаментальных областях, но, как следствие, лишает нашу страну надежды на успешное развитие высоких технологий и инноваций.

Исходя из этого, бездумное искусственное культивирование публикаций в русскоязычных журналах в ущерб международным, если речь идет о естественных и технических науках, представляется вредным и даже опасным для развития российской науки и высокотехнологичной промышленности. Это, по мнению автора, типичный случай ложно понимаемого патриотизма.

АРХИВЫ РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛОВ: СТЯХНУТЬ ПЫЛЬ

Большинство архивов российских научных журналов не оцифрованы.

Позиции сторон: Противоположных взглядов высказано не было.

Итог: Единодушное мнение участников – оцифровка архивов совершенно необходима и принесет значительную пользу российскому научному сообществу

Мнение автора

Этот вопрос даже не назрел, а «перезрел». При правильном администрировании данный проект, при всей его затратности, способен приносить прибыль, так как определенный спрос на доступ к старым советским либо российским изданиям будет и за рубежом.

Разумным видится создание некой структуры под патронажем Минобрнауки либо в форме ФГУП. Участие государства в этом случае совершенно необходимо и оправданно – по мнению автора, оно имеет приоритетное право на распоряжение интеллектуальной собственностью, по меньшей мере советского периода.

Заключение

С уверенностью можно утверждать, что все без исключения проблемы, затронутые в ходе

дискуссии, являются «наболевшими» и вызывают живой интерес научного сообщества. Лучшее тому подтверждение – тот факт, что вместо запланированных полутора часов обсуждение длилось почти 4,5 часа без перерывов, причем большинство участников, пришедших в начале, оставались в зале все это время, активно обмениваясь мнениями.

Moscow Science Week – это не только коммуникационная площадка. Те идеи и проекты, которые удалось породить или «выкристаллизовать» в процессе дебатов, не только вошли в аналитический отчет, но и вызвали интерес со стороны представителей российских государственных структур, в том числе и высшего эшелона власти. У автора есть убежденность, что многие из них получат дальнейшее развитие и будут воплощены в жизнь, внося свой вклад в улучшение «научного климата» в России, в развитие и повышение эффективности научно-исследовательской системы нашей страны.

